

*Посвящается зимним каникулам
2022 года и легкости!*

... ПРОЛОГ ...

Я поставила тяжелый ящик, в котором звякнули склянки, и, распрямившись, посмотрела на молодого мужчину передо мной:

— А вы кто еще такой?

Вместо ответа он сунул мне под нос бумагу с толстым восковым оттиском.

— А-а... пришли-таки.

Пока я рассматривала приказ, в котором мне повелевалось взять на месяц шефство над его светлостью лордом Оливером Аруэлом Болтоном Ингрэмом Тиаром Омальвэ, этот самый лорд прошел в мою лавку и теперь с легким интересом и чуточку брезгливо осматривался.

— Ну, добро пожаловать, ваша светлость! — поприветствовала я, непочтительно сунув высочайший приказ под мышку, и снова подхватила ящик.

— Так это и есть лавочка «Волшебные зелья»? — осведомился он, проведя кончиками пальцев по стойке, и рухнул в кресло для посетителей, закинув ноги на столик.

— Она самая, ваша светлость, — ответила я, с пыхтением водружая ящик на стойку. — И будьте добры, уберите сапоги. Этот столик мне особенно дорог.

Его светлость поморщился, но послушался. Холеное лицо с тонким прямым носом с горбинкой выражало безразличие, которое даже не трудились прикрывать вежливостью, но глаза живо смотрели вокруг — на шкафчики, полки, кушетку возле окна, разлапистое растение, доставшееся мне еще от матери, и прочие вещи, которые всегда появляются в местах, где люди живут дольше одного года.

— Итак, у меня к вам предложение, мисс...

— Николетта, — подсказала я.

— Итак, Никки...

— Николетта.

Его светлость повернул ко мне лицо, впервые взглянув с долей внимания:

— Что ж, мисс Николетта, к делу — мое предложение состоит в следующем: каждый вечер вы будете ставить свой изящный росчерк на этом не менее изящном бланке, который лю-

безно приложил к приказу мой отец, а в конце месяца мы сердечно попрощаемся, и вы станете богаче на сотню золотых.

Я с деланным удивлением приподняла брови и принялась рассматривать пузырьки из ящика на предмет дефектов, а затем заметила:

— Но в договоре с его светлостью вашим отцом говорилось о полусотне золотых.

— Вот именно. Еще сотня будет от меня в качестве комплимента.

— И за что же? — Одна баночка все никак не желала вставать прямо, и я с досадой уставилась на выгнутое доньшко — брак! Придется сдавать.

— За ваше умение хранить молчание.

— Боюсь, это не умение, а недостаток для хозяйки лавки, которой ежедневно приходится работать с клиентами. И я рада, что не обладаю им.

— Молчание вам понадобится в отношении лишь одного пункта.

Я приподняла брови:

— И какого же?

Его светлость сделал жест в сторону своей скромной особы:

— Меня. Как я уже и сказал, в конце дня вы будете ставить свою подпись, подтверждаю-

щую, что я исполнил все положенные работы, о которых у вас был уговор с моим отцом. При этом вы не будете интересоваться тем, что я делал в течение этого дня. И мы остаемся друзьями.

— Друзьями? — переспросила я, слюнявя кончик карандаша.

— Именно, — он с недоверчивым интересом следил за моими действиями. — Что вы делаете?

— Собираюсь надписывать вот эти этикетки. Мы же не хотим, чтобы произошла путаница и посетители получили не то зелье, за которым пришли?

— Мы? — переспросил его светлость, слегка шевельнув головой, и идеально причесанные волосы легли волной на другую сторону.

— Именно мы. Потому что открытие через час, и к этому моменту хотя бы часть этих пузырьков, — я повела рукой, обводя ею склянки, — должна обзавестись надписанными наклейками.

— Кажется, вы меня не поняли, Никки...

— Николетта.

— Хорошо, Николетта: мое предложение очень выгодное, — теперь он говорил медленно, как для умственно отсталой, — я спра-

вился о доходах вашей лавочки. В последнее время они не слишком радуют, особенно на фоне слухов о грядущем открытии вашего конкурента — магазина зелий «Шарлоттс». Так что сто золотых — более чем щедрое предложение.

— Это еще даже более щедро, чем щедрое предложение, — заметила я, отбрасывая карандаш и берясь за перо, пишущее блестящими чернилами, — и я, верно, слишком глупа, потому что намерена придерживаться соглашения с вашим отцом.

— Да вы... — начал было он, вставая.

— ...нуждаюсь в помощнике. Прямо сейчас, — перебила я, плюхая перед ним ящик со склянками, и протянула перо: — Мне говорили, каллиграфия входила в перечень преподаваемых вам наук.

... ГЛАВА 1 ...

Пока его светлость Бесконечное-количество-имен корпел над этикетками, держа перо двумя пальчиками, я занималась проверкой бухгалтерских книг, искоса поглядывая на него.

Лорд Оливер не ошибся в том, что дополнительные сто золотых оченьгодились бы моей лавке. Нет, она отнюдь не бедствовала, и за ней все еще сохранялся статус лучшего магазина волшебных зелий в стране — недаром я несколько лет подряд нанималась обслуживать фрейлин и весь королевский двор, как до меня моя мама, а до нее ее мама, а еще раньше мама мамы моей мамы и так далее, — но в последнее время дела действительно шли не так бодро, и действительно не в последнюю очередь из-за слухов в связи с открытием «Шарлоттса».

Несмотря на это, я, конечно, не стала бы нарушать договор с его светлостью лордом Ару-

элом, отцом Аруэла-младшего, сидевшего сейчас на диванчике с таким видом, будто его заставляли делать что-то богопротивное.

Нет, если не брать во внимание наморщенный нос и кривящиеся губы, лорд Оливер был очень даже хорош собой и прекрасно это знал. Высокий, широкоплечий, с густой каштановой шевелюрой, перехваченной лентой, и пронзительными синими глазами. Интересно, как выглядит его отец? Должно быть, у него военная выправка и он похож на сына, только более кряжистый и властный. Лорда-старшего я не видела. Предложение — а точнее, приказ, потому что такие, как я, не могут отказать их светлостям, — мне ранее передал слуга.

Сперва я решила, что это заказ из дворца на зелья для фрейлин, ведь приближался двадцать седьмой день рождения его высочества и коронация, поэтому мои руки дрожали от волнения — этот заказ был очень важен для меня, а в этом году запаздывал. Но записка оказалась от лорда Аруэла и содержала самую экзотическую просьбу, которую мне доводилось слышать: привить должное почтение и послушание его сыну, наделенному многими добродетелями, кроме терпения, покорности и терпимости к нижестоящим. А ведь именно их

надлежит иметь власть имущим, дабы с умом распоряжаться этой самой властью.

Почему это предложение поступило именно мне? Некогда лорд Аруэл был знаком с моей матерью, и ее зелья помогли ему в одном нелегком деле, поэтому он был уверен, что ее дочь с честью справится с поставленной задачей. Договор заключался на месяц. И все это время его светлость лорд Оливер должен был являться в лавку ровно за час до открытия. Ну а мне надлежало в конце дня ставить свою закорючку в бланке, напоминающем табель успеваемости.

Быть может, лорд Оливер был бы со мной более почтителен, будь я почтенной матроной. Но мне всего двадцать три, и это, наверное, не прибавляло мне солидности в его глазах.

— Готово! — Его голос оторвал меня от размышлений.

Я приблизилась и посмотрела на ярлычки, протянувшиеся на завернутой завитками до пола ленте.

— Но это...

— Знаю, ужасно, — развел руками лорд Оливер, искренне — очень искренне! — сокрушаясь.

Я, нахмурившись, проглядывала испорченные этикетки. На пакости его светлость не поспешил: помимо клякс, неразборчивых букв и размазавшихся чернил, были еще намеренно искаженные названия, так что получалась изящная игра слов вроде «сели для волос» вместо «зелья для волос».

— Вот здесь ошибка, — ткнула я.

— Неужели? — любезно изогнул шею его светлость.

— Да. В названии «настой-трава» вы поставили точку вместо дефиса.

Бровь его светлости дернулась, он кинул на меня быстрый взгляд.

— Пожалуйста, — произнес он, выпростав руку и сделав из точки черточку.

— Благодарю. Замечательно. Никто не справился бы лучше. Теперь вы можете наклеить эти ярлычки на бутылки и отнести их в кладовую.

— Наклеить? — удивился он. Подумал и удивился еще больше: — В кладовую? Я думал, вам они понадобятся уже сегодня, Никки... летта.

— Нет, я перепутала. Эта партия про запас, — широко улыбнулась я, возвращаясь за стойку.

Вскоре колокольчик звякнул, и в лавку явился первый посетитель, вернее, посети-

тельница. Покосившись на его светлость, который быстрыми движениями приляпывал ярлычки на бутылочки, она приблизилась ко мне и принялась путано объяснять просьбу. Та сводилась к необходимости привести в порядок ее безжизненные волосы.

Эти самые «безжизненные волосы» прелестными золотистыми колечками выглядывали из-под не менее прелестной шляпки с острыми перышками — такую я видела в последнем каталоге мод у моей подруги Софи — и если в чем-то нуждались, так это в гребне покрепче. Тем не менее я проводила ее к соответствующей полке и погрузилась в работу, объясняя свойства того или иного снадобья.

Лавку она покинула с зельем для придания волосам естественного блеска, при этом кинув кокетливый взгляд на его светлость.

— Всего доброго, мисс Майлз.

— И вам, мисс Вуд, — помахала я.

Еще несколько клиентов, а потом его светлость привлек мое внимание легким жестом.

— Готово! — провозгласил он, указывая на наклейки, которые были приклеены так же талантливо, как и надписаны.

— Великолепно, ваша светлость. Теперь вы можете отнести их в кладовую, после чего можете быть свободны.

Его светлость подхватил ящик с беспечным видом — вернее, подхватил бы, если б не гримаса, исказившая его лицо. С удивлением посмотрев на ящик, который я с утра втащила в лавку, он перехватил его уже удобнее и с выдохом приподнял. Я вежливо приоткрыла дверь, в которую он, пыхтя и покраснев, его внес.

— Будьте добры, поставьте аккуратнее, — напутствовала я, после чего последовал звон, от которого внутри у меня все сжалось.

Похоже, ящик хорошо шваркнули об пол.

— Все, — произнес его светлость, снова появляясь на пороге и отряхивая руки.

— Спасибо. Тогда ваш пробный день окончен, увидимся завтра в то же время, — ответила я, проходя к стойке и беря его бланк.

— Но... — лорд Оливер приблизился и облокотился на стойку с задушевым видом, — боюсь, я лишь служу помехой для такой умелой леди, как вы. Мой почерк не отличается аккуратностью, и даже с такой мелочью, как приклеивание этикеток, я...